

УДК 94(47).05(470.343)

DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-4-358-367

КОЗЬМОДЕМЬЯНСКИЕ ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ**А. Г. Иванов***Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация*

Аннотация. Эпоха петровских реформ конца XVII – первой четверти XVIII в. существенно отразилась и на положении посадских людей городов страны, в том числе Козьмодемьянска, где, несмотря на преобладание стрельцов (городовых солдат) и ямщиков, жители посада внесли заметный вклад в социально-экономическое развитие города и были вовлечены в общероссийские процессы. В этой связи обращение к данной теме и на региональном уровне представляется весьма актуальным. Основой настоящего исследования явились документальные материалы, извлеченные автором в фондах Ландратских книг и ревизских сказок (ф. 350), Козьмодемьянской крепостной конторы (ф. 615), Межевой конторы Казанской губернии (ф. 1312) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Изученные архивные и опубликованные документы, их тщательный анализ в сочетании с привлеченным кругом исторических исследований позволили рассмотреть важнейшие демографические аспекты и основные направления жизнедеятельности козьмодемьянских посадских людей, связанные с сельскохозяйственным производством, различными торгами и промыслами; выявить своеобразие сословно-правового положения, связанного с их принадлежностью к тяглым людям, обязанным нести многочисленные казенные подати и повинности; показать роль и значение посадской общины, как органа посадского самоуправления, в условиях реализации городской реформы рассматриваемого времени.

Ключевые слова: Петровское время, Козьмодемьянск, посадские люди, хозяйственная деятельность, сословно-правовое положение, подати и повинности, городская реформа, община и органы посадского самоуправления

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Иванов А. Г. Козьмодемьянские посадские люди в Петровское время // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 4. С. 358–367. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-4-358-367>

KOZMODEMYANSK TOWNSPEOPLE IN PETER'S TIME**A. G. Ivanov***Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation*

Abstract. The era of Peter's reforms of the end of the 17th – first quarter of the 18th century significantly affected the situation of the townspeople of the cities of the country, including Kozmodemyansk, where, despite the predominance of Streltsy (city soldiers) and coachmen, the residents of the township (*posad*) made a significant contribution to the socio-economic development of the city and were involved in all-Russian processes. In this regard, addressing this topic at the regional level is very relevant. The research was based on documentary materials extracted by the author from the collections of Landrat books and audit tales (f. 350), the Kozmodemyansk serf office (f. 615), the Boundary office of Kazan province (f. 1312), the Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA) in Moscow. The studied archival and published documents, their thorough analysis in combination with the attracted range of historical research allowed us to consider the most important demographic aspects and the main directions of the life of the Kozmodemyansk townspeople related to agricultural production, various trades and crafts; to identify the peculiarity of the estate and legal status associated with their belonging to taxable people, obliged to bear numerous state taxes and duties; to show the role and importance of the township (*posad*) community as a body of the township (*posad*) self-government in the conditions of the implementation of the city reform of the time under consideration.

Keywords: Peter's time, Kozmodemyansk, townspeople, economic activity, estate and legal status, taxes and duties, city reform, community and bodies of township (*posad*) self-government

The author declares no conflict of interest.

For citation: Ivanov A. G. Kozmodemyansk townspeople in Peter's time. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 358–367. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-4-358-367>

Петровские преобразования конца XVII – первой четверти XVIII в. существенно отразились и на положении посадских людей городов страны, в том числе Козьмодемьянска, где, несмотря на преобладание стрельцов (городовых солдат) и ямщиков, жители посада внесли заметный вклад в социально-экономическое развитие города и были вовлечены в общероссийские процессы.

Козьмодемьянские посадские люди упоминались в исторических источниках уже в конце XVI века. Согласно данным отдельной книги писца П. Г. Колбецкого в 1597 г., «в диком лесу от города вверх по Волге реке» с разрешения козьмодемьянского воеводы «роспахали посацкие люди Тимошка Замятнин с товарищи четырнадцать человек на пятнадцать чети ржи в поле, а в дву по тому ж» [12, с. 18]. Таким образом городские посадские люди наравне с ямщиками и другими начали агрикультурное освоение близлежащих лесов. Пашенное земледелие изначально стало преобладающим в их хозяйственной длительности. Более того, в конце XVI – начале XVII в. в Подгородном стане русскими людьми были основаны с. Троицкое Большая Юнга, д. Струнина, д. Мумарина, починок Даниловка, жители которых «как пахотные посадские люди» оказались приписанными «по тяглу» к Козьмодемьянской посадской общине¹. По данным переписной книги А. Г. Ладьженского 1646 г., в ней в общей сложности насчитывалось 156 дворов (542 муж.), в том числе 138 дворов (496 муж.) посадских людей и 18 бобыльских дворов (46 муж.). Непосредственно в городском посаде Козьмодемьянска в Подгорной слободе числилось 32 двора (87 муж.), а в Загородной посадской пахотной слободе – 33 двора (115 муж.); бобылей «городового посаду» 8 дворов (14 муж.). В Подгородном стане в д. Струнине («от города три версты») имелось 11 дворов (35 муж.) «посадских пахотных людей»; в д. Мумарине («от города пять верст») – 7 дворов (27 муж.); в починке Данилов-

ка («от города 6 верст») – 3 двора (19 муж.); в с. Троицком Большая Юнга («от города за семь верст») – 53 двора (208 муж.) посадских пашенных людей и 10 дворов бобылей (32 муж.) [12, с. 34–41]. С учетом того, что соотношение мужчин и женщин было приблизительно равным, в Козьмодемьянской посадской общине в середине XVII в. проживало не менее 1,1 тыс. чел. обоого пола. При этом непосредственно в двух слободах городского посада насчитывалось всего 73 двора (46,8 %) с 216 муж. (39,9 %). Основная масса приходилась на пашенных посадских людей четырех селений Подгородного стана, проживавших в 83 дворах (53,2 %) с 326 человек муж. пола (60,1 %).

Козьмодемьянская посадская община складывалась постепенно, за счет притока русских беглых крестьян, бобылей, посадских людей и других прослоек населения из различных уездов и городов страны. Часть из них селилась в черте городского земельного рва, а часть основала несколько селений в устье рек Малая Юнга и Большая Юнга при впадении в Волгу [4, с. 69]. По данным козьмодемьянских дозорных книг, прирост «прибылых крестьян» в посаде только в 1621–1629 гг. составил 35 дворов [12, с. 21–27]. Зафиксированные в переписях 1629 и 1646 гг. «прозвищи» дворохозяев, как, например, «Новгородец», «Калуга», «Володимерец», «Лысковец», «Юрьевец», «Кашинец», «Унженин», «Казанец», «Царегородец» (из Царевококшайска – А. И.), «Чебоксаренин» и других людей, наглядно свидетельствуют о прежнем местожительстве новых «приходцов» Козьмодемьянской посадской общины [12, с. 21–27, 34–41].

Последующие десятилетия также характеризовались заметным приростом, обусловленным как механическим, так и естественным движением посадского населения. По данным переписной книги 1678 г., в Козьмодемьянской посадской общине уже насчитывалось 342 двора, а в 1702 г. – 355 дворов, «а в них» – 2 087 чел., в том числе 1 136 муж. и 951 жен. [13, с. 104].

Заметно поубавилась численность посадских людей в годы петровских реформ. Это было

¹ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 136, 247.

связано в основном с трудовыми мобилизациями, рекрутскими наборами и принудительными переселениями, отчасти, бегством. По разбору 1702 г. думного дьяка А. И. Иванова из Козьмодемьянска в 1703–1704 г. в Азов «на вечное житье» были переведены 114 посадских семей с 511 чел. обоего пола. Среди них были Лычагины, Овчинниковы, Струнины, Михеевы, Лыковы, Баевы, Простотины, Сурины, Шестаковы, Мурыгины и другие [13, с. 109]. На строительство Петербурга в 1708–1715 гг. были направлены десятки козьмодемьянских посадских людей, в том числе кузнец А. Ф. Белоруков, Я. З. Шмаков и другие [5, с. 250]. Некоторые из находившихся «в бегах» записывались в посады других городов. В частности, по данным 1723 г., в Астраханской посадской общине проживали четыре «выходца» со своими семьями из Козьмодемьянска [1, с. 89]. Из-за вышеназванных негативных факторов в Козьмодемьянской посадской общине, по данным ревизских сказок 1723 г., числилось лишь 705 душ муж. пола людей [5, с. 259], в том числе в двух городских слободах – 181 чел. [5, с. 252], и в Юнгинской слободе, состоявшей из жителей с. Троицкого, деревень Мумариха и Данилиха (теперь они так назывались; а д. Струнина с несколькими дворами была приписана к Загородной слободе) – 524 душ муж. пола. Убыль посадского населения в известной мере компенсировалась за счет перехода в это сословие части бывших козьмодемьянских стрельцов, «разночинцев» и естественного прироста.

В этой связи следует обратить внимание на две особые прослойки козьмодемьянских посадских людей, представленных «бобылями» и «азовскими переведенцами». В начале XVIII в. в Козьмодемьянске наблюдался заметный прирост бобыльского населения. В 1710 году «бобыли городского посаду» жили в 64 дворах (185 чел. муж. и жен.), а в 1717 г. – в 52 дворах, не считая 21 семьи, жившей «в соседях» (252 чел.). Привлекательность записи «в бобыли» обуславливалась тем, что они в отличие от других посадских людей, как «малоимущие», освобождались от тягла или переводились на облегченный бобыльский оброк и повинности. С разрешения властей в бобыли в посад записывались как козьмодемьянские жители, так и пришлые люди из других мест. Согласно показаниям бобылей козьмодемьянской посадской общины 1717 г., они являлись выходцами из 11 уездов (Нижегородский, Галиц-

кий, Балахонский, Юрьеvec-Повольский, Костромской, Муромский, Козьмодемьянский, Суздальский, Ярославский, Курмышский и Кинешемский), а также из 9 городов (Нижний Новгород, Ярославль, Чебоксары, Ядрин, Козьмодемьянск, Углич, Тотьма, Балахна и Кинешма). Время их пребывания в козьмодемьянских бобылях за 1667–1717 гг. колебалось от 2 до 50 лет. И тем не менее абсолютное их большинство после переписи 1717 г. было возвращено на прежнее местожительство, законным их владельцам (помещики, монастыри, дворцовое ведомство) или записаны в тяглые посады городов [6, с. 134–141]. По данным ревизских сказок 1721 г., в Козьмодемьянском посаде в 4 дворах и проживавших «в соседях» числилось всего 49 душ муж. пола людей [3, с. 26]. С проведением в 1724 г. податной реформы на бобылей были возложены подушная подать и другие казенные повинности. К середине XVIII в. бобыли как особая прослойка посадских людей почти исчезла, в том числе в Козьмодемьянске [6, с. 134].

Некоторый прирост городского населения в 1711–1713 гг. был связан с переселенными козьмодемьянскими посадскими людьми – «азовскими переведенцами», обратно вернувшимися после многих страданий и лишений в родной посад после отдачи Азова в 1711 г. «в турецкую сторону». Согласно их показаниям 1723 г., переведенных козьмодемьянских людей по приказу азовского губернатора И. А. Толстого использовали на самых различных службах и работах. Некоторые, например, М. Н. Лазарев, В. И. Июдин, М. Г. Неустров, С. Ф. Июдин, Ф. Д. Михеев, Ф. В. Башкирцов, К. С. Окатов, С. А. Чюлков, И. А. Чюлков, И. И. Лапин, Г. А. Баев, Л. Н. Баженов, были определены «в пахотные крестьяне» Дворцовой волости вблизи Таганрога и пахали «десятинную пашню». Другие, как В. К. Калинин, С. В. Лапин, И. Б. Простотин, Е. М. Красильников, И. Д. Баев, Е. М. Сурин, М. Д. Алешутин, работали в Азове каменщиками и плотниками («к корабельному делу»); Г. Е. Сурин – кузнецом. Третьи, как А. В. Алабердин, Д. Ф. Шестаков, Р. Ф. Усов, И. М. Лычагин, Т. И. Кичкин, В. П. Лихачев, С. Р. Усов, П. К. Озернов, И. И. Лычагин, И. М. Простотин и другие, служили солдатами в полку А. И. Бровера; в пушкарях были С. Г. Шестаков, М. Б. Башкирцов, А. Зиновьев; чернорабочими – Я. М. Струнинский и П. Гаврилов [4, с. 71–72].

«Азовские переведенцы» до 1724 г. были временно освобождены от посадского тягла, так как им заново приходилось отстраивать свои жилища и включаться в привычный уклад жизни. Многие из них «кормились» поденщиной, «из найму черною работою», а некоторые занимались мелкой торговлей, ремеслом и другими промыслами. В 1723 году в Козьмодемьянске насчитывалось 96 «азовских переведенцев» с домочадцами, записанными позднее в посадское «гражданство» [4, с. 72].

При всех демографических перепадах, в хозяйственной деятельности козьмодемьянских посадских людей преобладающей выступала «хлебопахотная работа». В 1723 году из числа 30 посадских дворов Подгорной и Загородной слобод 18 дворохозяев были заняты пашенным земледелием, что равнялось 60,0 % жителей городского посада [8, с. 198–199]. Этим же промыслом кормились все юнгинские посадские люди, закрепившие в своем владении по межеванию 1685 г. земельную площадь в 355 четвертей «в поле, а в дву по тому ж» и 80 десятин сенокосов в устье реки Ветлуги [4, с. 70]. Выращенный урожай предназначался не только для собственного потребления, но и для казенных нужд («стрелецкий хлеб»), реализации на рынке, переработки зерна в муку и крупу, поставки «съестных припасов» в постоянные дворы и харчевни, продажи бурлакам, занятым на волжских промыслах.

Кроме наделной земли и сенокосных участков многие посадские люди содержали домашний скот (лошади, коровы, овцы, домашняя птица), имели приусадебные огороды и небольшие сады «с плодовыми деревьями: яблоней, вишней, смородинами для себя и на продажу». Некоторые брали на оброк казенные волжские рыбные ловли [5, с. 269]. Многие занимались волжским судовым промыслом.

Сельскохозяйственная деятельность относилась к числу одного из распространенных «промыслов» посадских людей. Вместе с тем среди них дальнейшее развитие получили торги и другие виды «промыслов», в особенности домашнее ткачество, основанное на женском труде. Ремесленных специальностей, однако, было немного. По данным 1723 г., среди 63 козьмодемьянских ремесленников было всего 2 кузнеца, по одному скорняку и «лотошному» мастеру [5, с. 269–270]. Подготовка квалифицированного ремесленника

требовала достаточно много времени, о чем, в частности, свидетельствует «жилая запись» от 3 марта 1702 г., заключенная между посадским человеком В. Г. Солодовниковым и вдовой Федосьей Ивановой из посадских же людей. Согласно записи последняя отдавала своего сына Сидора мастеру «в научение кузнешному ремесству» на 5 лет в его дом, с условием добросовестного выполнения всякой домашней и отъезжей работы¹.

В отличие от вышеназванных ремесленных специальностей среди козьмодемьянских посадских людей наибольшее развитие получила переработка продуктов растениеводства, связанная с мукомольным промыслом, носившая мелкоотварный характер. Оброчные владельцы водостоящих однопоставных мукомольных мельниц и «меленок-мутовок», используя в основном труд наемных работников, получали немалые доходы от помольщиков «лопаточной мукой» или деньгами. В 1697–1702 годах владельцами мельниц были А. К. Вахромеев, И. Е. Белянинов, С. И. Буслаев, С. И. Окатов, В. Г. Замятнин и другие жители посада [14, с. 13, 14, 19–22, 26, 27, 29]. По данным 1710 г., во владении посадских людей Козьмодемьянска находились 14 мельниц и 2 «меленки», а в 1723 г. соответственно 15 и 2 [5, с. 271].

Среди посадских людей все более заметными становились «градские», «уездные» и «отъезжие торги». По данным 1708 г., из 83 торговых лавок в Козьмодемьянске 30 принадлежали посадским людям, а из 32 торговых полок – 4 [5, с. 273]. В Подгорной слободе находились базарная площадь с торговыми лавками, с сырейным, рыбным и мясными рядами, хлебные «житные» амбары. Это место было наиболее оживленным в городе, в особенности по воскресеньям, когда на базар съезжались и уездные жители [4, с. 63]. Торговля козьмодемьянских купцов заключалась в основном в скупке в городе и уезде продуктов крестьянского земледелия и промыслов – хлеба, хмеля, кож домашних животных, мяса, сала, меда, пушнины, рогож, кулей, а также отпуск в низовые города строевого леса и дров [4, с. 72]. Особенно активными были торговые связи с Астраханью [1, с. 113, 123, 124, 128] и другими волжскими городами.

Купеческий капитал пополнялся и по заключенным «заемным кабалам», по которым

¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1 Д. 4633. Л. 26 об.–27 об.

зажиточные посадские люди под высокие проценты выдавали денежную ссуду марийским и чувашским крестьянам с обязательным условием в установленные сроки вернуть деньги либо возвращать продуктами земледелия, животноводства, охоты и пчеловодства. По данным 1702 г., особенно в этом преуспел козьмодемьянский посадский человек К. Г. Пичугин (Пичюгин) [12, с. 142–144, 146, 149], который имел «пожитку 800 рублей», а платил «тягла 2 рубли 25 алтын» [13, с. 109].

Конкретные свидетельства хозяйственной жизнедеятельности козьмодемьянских посадских людей Петровского времени наглядно представлены в «пополнительных скасках», данных ими в ходе проведения первой ревизии 1723 года. Согласно показаниям городского бургомистра Т. К. Ермолаева, «плутчих людей» М. А. Батыгина, А. Г. Смолина, И. П. Злецова, И. Ф. Крохина в Козьмодемьянском посаде в числе прочих жили:

«В Подгорной свободе: Андреян Иванов сын Батыгин, сиею скаскою сказал: от роду мне 73 лет, у меня сын Михаил 33 лет, у меня ж племянник родной Иван Ларионов 19 лет, старинной я посацкой города Кузьмодемьянска. Торг имею у себя небольшой в Сырейном и в Рыбном ряду, также кормлюся хлебопахотною работою... живет у меня временной наемный работник польской природы Алексей Петров 40 лет, тому ныне пятой год... Имею в Кузьмодемьянском уезде в Торговицкой ватаге для постою приезжающих людей оброчной постоюлой двор.

Илья Федоров сын Крохин, сиею скаскою сказал: от роду мне 49 лет, у меня сын Иван 22 лет, у меня ж племянник родной Степан Иванов 38 лет, старинной я посацкой города Кузьмодемьянска. Торг у себя имею небольшой уездной мелочной.

Илья Никитин сын Алямасов, сиею скаскою сказал: от роду мне 53 лет; у меня брат родной Сергей 46, у Ильи два сына – Михаила 17 лет, Лукоян году да брат двоюродной Павел Козьмин сын Ермолаев 38 лет, у Павла сын Петр 3 лет. Старинной я посацкой города Кузьмодемьянска... кормлюсь кузнешным ремеслом»¹.

Соответственно, «в Загородной свободе: Кузма Васильев сын Замятнин, сиею скаскою сказал: от роду мне 30 лет, у меня два брата родных – Иван 44, живет в Нижнем Новгороде, Симеон 20, у меня ж два сына – Григорей 6, Алексей 4 лет.

Старинные посацкие города Козьмодемьянска. Торгов и промыслов за скудостью и ремеслом никаких не имеем, а кормимся хлебопахотною работою, также временем нанимаемся у купеческих людей и таскаемся для торгу в прикашиках»².

Разнообразная хозяйственная деятельность позволяла в целом удовлетворять насущные потребности посадских людей, проживавших в своих дворах, состоявших обычно из жилых и хозяйственных строений, приусадебных огородов, иногда садов. Согласно купчей от 17 мая 1700 г., козьмодемьянский посадской человек М. И. Алямасов приобрел за 3 руб. 2 гривны в Тихвинском церковном приходе Подгорной слободы у вдовы посадского человека М. И. Межениной «двор с хоромным строением и с вороты» и приусадебным участком; «а на том... дворе хором: изба, против избы клеть; промеж избы и клетки сени»³. Посадский человек И. Ф. Шмаков имел в Козьмодемьянске в 1702 г. двор «с хором и с вороты и с огородом и з городью», а «хором: две избы, одна новая, другая старая, сосновая с пристеном, да баня, да поветь», длина огорода составляла 30 сажень, а ширина – 6 сажень с одним аршином общей стоимостью в 4 рубля⁴. Средняя оценочная стоимость одного посадского двора с огородами в 1700–1702 гг. колебалась от 40 алтын до 8 руб⁵.

Имущественное неравенство наблюдалось и по семейным «пожиткам» – предметам материальной ценности, состоявшим из мелкого и движимого имущества, домашней утвари, сундуков, посуды, одежды, обуви, украшений и тому подобное. Согласно переписной книге 1702 г., у основной массы жителей Козьмодемьянской посадской общины стоимость «пожитков» оценивалась от 5 до 10 руб., как например, у дворовладельцев И. И. Лычагова, М. А. Лыкова, А. Т. Шмакова и других. Немало было и таких, у кого «пожитку» имелось всего на 1–4 руб., а у некоторых совсем «пожитку нет» и далее своих дворов, поэтому они вынужденно «живут в чюжих дворах». Размеры «пожитков» немногочисленной посадской верхушки в лице купцов К. Г. Пичюгина, Г. Л. Замятнина, Л. И. Батыгина, Г. И. Солодовникова, А. Г. Смолина, И. Ф. Крохина и других простирались от нескольких десятков до 800 руб.

² Там же. Л. 24 об.

³ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1290. Л. 66–66 об.

⁴ Там же. Л. 81 об.–82.

⁵ Там же. Л. 54–56 об., 73–73 об.

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3789. Л. 16–20 об.

[13, с. 104–122]. Подобная социальная градация посадской общины в виде небольшой пирамидки с широким основанием была характерна и для других российских городов [9, с. 169].

По сословно-правовому положению жители посадов, в том числе Козьмодемьянска, относились к «тяглым людям», находившимся в конце XVI–XVII вв. в прямой зависимости от местной воеводской власти. Согласно царским законам, в особенности юридическим нормам Соборного уложения 1649 г., посадские люди окончательно были прикреплены к своим посадским общинам, не имели права покинуть свое местожительство под угрозой жестокого наказания и обязаны были выполнять «тягло», включавшее различные виды казенных податей и повинностей. По данным 1597 г., козьмодемьянские посадские люди обязаны были платить «в государеву казну» различные подати. Они же «всякие городовые изделия и запас на низ крупы и толокна делают, и всякие государевы службы мирские служат» [14, с. 18].

Особенно резко возросли подати и повинности посадских людей в годы петровских преобразований. Они налагались в целом на посадскую общину и распределялись между тяглыми дворами. Согласно показанию козьмодемьянского земского старосты М. Лазарева «с товарищи» от 8 апреля 1690 г. они «великим государем посадскую службу и тягло тянут и подати и в Астрахань и в ларешные и таможенную отпускают, и в низовой астраханской отпуск рожь в муку мелют и из овса крупы и толокна делают, да они ж, со 186 (1677/78 г.) по переписным книгам Степана Свечина платят стрелецкие деньги з двора по рублю по три алтына по две деньги». Кроме того, деньги взимались в казну с торговых полок и лавок, амбаров, кузниц, мельниц, харчевень, постоялых дворов, бань и других торговых и ремесленных заведений, а также осуществлялись кабацкие и таможенные сборы. В конце XVII в. стали взysкивать «десятую деньгу» чрезвычайный денежный налог, который стал в дальнейшем постоянным [4, с. 70].

С начала XVIII в. многочисленные казенные подати козьмодемьянских посадских людей включали «окладные табельные доходы», собиравшиеся в Военный приказ, такие, как стрелецкие деньги, «ямские и и полоняничные», десятую деньгу, деньги на «дачу армейским извощикам». «Повсягодные» (сверхтабельные) деньги собирались на наем подвод под артиллерийские припа-

сы, в армейские полки на мясоедные дни, на покупку припасов к городовым делам, на жалованье офицерам отдельных полков. «Запросные временные» (ставшие постоянными) сборы включали денежные подати на жалованье ландратам и приказным людям, на канальное дело, на покупку и подряд морского провианта и строение «перспективной дороги», связывавшие Санкт-Петербург с Москвой [5, с. 289].

К этому следует дополнить начавшиеся трудовые мобилизации на строительство новых городов и крепостей, перевод по разрядкам части козьмодемьянских посадских людей «на вечное житье» в Азов и Санкт-Петербург. Более того, оставшиеся после «разбора» 1702 г. в Козьмодемьянском посаде 177 дворохозяев (1065 чел.) обязаны были по-прежнему выполнять государево тягло с выплатой ежегодно в казну в размере 443 руб. 3 алтын 4 деньги, в том числе и за переведенных в Азов 89 «малопожиточных» дворовладельцев (511 чел.), которые ранее «тягла платили 85 руб. 10 алтын» в год [13, с. 104, 109, 122]. При этом размеры «тягла» в основном зависели от величины «пожитков» и колебались от нескольких копеек до 7 руб. и выше. Были и такие посадские люди и бобыли, у которых «пожитку никакой нет, податей за скудость никаких не платят». В среднем на один тяглый посадский двор в 1701 г. приходилось по 1 руб. 25 коп. казенных денежных податей, а в 1702 г. – по 1 руб. 67 коп. [13, с. 104–122].

Замена подворного обложения в 1724 г. подушной податью, при которой новой фискально-податной единицей становилась ревизская душа мужского пола с ежегодной уплатой в казну по 1 руб. 20 коп., не привела к уменьшению налогового бремени.

Посадских людей наравне с другими податными сословными прослойками заставляли отбывать начавшееся с 1704 г. рекрутские поставки, а также работные, постоянные, дорожные, мостовые и другие виды многочисленных повинностей. «Немалою тягостию» ложились на них так называемые «казенные службы». Ежегодно по посадскому выбору из числа посадских людей назначались бурмистры, старосты, целовальники, подьячие, сборщики, счетчики, ларешные для продажи соли, казенного хлебного «вина» при кружечных дворах, денежного сбора при конских площадках, волжском перевозе, таможенных; для сбора подушных денег и других податей.

Эти повинности отбывались не только в Козьмодемьянске, но и в других городах. Из-за частых «отъезжих и отдаленных служб» нередко расстраивалась торгово-промысловая деятельность выборных людей, а некоторые из них даже разорялись, так как они всецело отвечали своим имуществом и деньгами за исправное поступление казенных сборов [5, с. 290–291].

Ответственность за своевременное выполнение повинностей и уплату податей в конце XVII – начале XVIII в. традиционно возлагалась на выборный орган посадского самоуправления – Козьмодемьянскую посадскую избу. Они возглавлялись выборным земским старостой из числа посадской верхушки. Земская изба ведала вопросами владения и пользования общинной посадской землей, состояния торгов и промыслов, записью в тягло, раскладкой и сбором казенных податей и повинностей. Староста обеспечивал связь с воеводской съезжей избой, осуществлял общий надзор за земскими поьячи́ми и целовальниками, отвечал за проведение очередных мирских выборов на посаде [14, с. 127]. В его же ведении, по данным 1686 г., находился «козьмодемьянский таможи и кружечного двора подьячий Куземка Ермолаев» [12, с. 104].

Существенные изменения в управлении посадом в Козьмодемьянске, как и в других городах, произошли в Петровское время. По городской реформе 1699 г., двумя именными царскими указами все посадские люди были выведены из воеводского подчинения и переданы в ведение бурмистерской палаты, по другому, московской ратуши¹. Воеводской власти запрещалось вмешиваться в посадские дела. Отныне всеми вопросами, в том числе сбором налогов и отправкой денег напрямую в Москву, ведала земская изба во главе с выборными бурмистрами (бургомистрами) из числа «людей добрых и правдивых»². Во исполнение царских указов в 1700 г. в Козьмодемьянскую земскую избу в бурмистры от градского посада был выбран Григорий Лукьянов, сын Замятнин, а от Юнгинского подгородного посада – житель с. Троицкого Федор Аристов сын Шмаков обще с земскими старостами Федором Лукояновым сыном Вахрамеевым и Михаилом Петровым сыном Суриным [12, с. 136]. Под их началом были земских дел подьячий Спиридон Алексеев сын Попов и таможенный подьячий Семен Васильев сын Дядюхин [14, с. 18, 149], до этого практиковавшийся на нотариальных сделках в качестве площадного подьячего [7, с. 46].

Земская изба как орган посадского самоуправления просуществовала в Козьмодемьянске до 1720 года. С учреждением Главного магистрата, которому подчинялись все города, она была переименована в городской магистрат. Согласно регламенту главного магистрата от 16 января 1721 г. каждый магистрат стал состоять из пожизненно выборных (со временем, сроком до 1–4 лет) бургомистров и ратманов «из первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей», которые «яко начальство градское, будет правление иметь, суд и доброй порядок содержать, пользу ... того города искать должен», а также понуждать своевременно исполнять многочисленные казенные подати и повинности. Посадские люди отныне официально именовались «гражданами» и были записаны в двух гильдиях. В первой числились «первостатейные» купцы, владевшие торговыми рядами и ведущие «отъезжие торги», а также мастера золотых и серебряных дел, иконописцы, живописцы, аптекари, лекари, доктора. Во второй гильдии были те, «которые мелочными товарами и харчевнями всякими товарами торгуют», кузнецы, сапожники, портные и другие «подобные» ремесленники. В каждом городе все «ремесленные люди» объединялись в свои «собрания» со своим уставом и стали называться «цеховыми». Городские низы («подлые люди»), обретавшиеся «в наймех и работах», кормившиеся поденщиной, согласно закону, не считались «регулярными гражданами»³.

По городской реформе юридически оформилось не только сословно-имущественное разграничение среди посадского населения, но и усложнялась система управления. По данным 1727 г., в Козьмодемьянске функционировали городской магистрат («магистратская контора»), «таможня», «кабацкая контора», «крепостная контора» [10, с. 221–222]. Согласно показаниям посадских людей, Козьмодемьянский магистрат в 1723 г. возглавляли бургомистр Т. К. Ермолаев и с. Троицкого с деревнями ратманы А. М. Шмаков, И. И. Сурьянинов и другие «лутчие люди» из

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3. № 1674 (далее ПСЗРИ-I).

² ПСЗРИ-I. Т. 3. № 1675.

³ ПСЗРИ-I. Т. 6. № 3708.

числа зажиточной верхушки¹. На магистратское присутствие, состоявшее из «первостатейных», к тому же умеющих читать и писать, возлагалась вся ответственность за исправное выполнение фискально-податных повинностей посада [11, с. 117]. Во многом это зависело от материального достатка и тяглоспособности жителей, что являлось насущной заботой магистрата.

В ходе ревизии 1723 г. в городском посаде, в Подгорной и Загородной слободах, обнаружилось 13 дворов (35 душ. м. п.), «которые неимущие и за скудостью, и за дряхлостью тягла не платят, «службу служить не могут», и кормятца Христовым подаванием»; не считая явившихся из бегов 7 душ муж. пола «бездворных» и не имеющих никаких «пожитков» людей; находившихся 14 душ муж. пола «в бегах»; вышедших «своевольно в разные чины» 5 чел. в крестьяне, 2 чел. в ямщики, 1 чел. в солдаты, и других малоимущих посадских людей².

Для решения вышеназванной проблемы тяглоспособности и других неотложных дел руководство магистрата обязано было инициировать проведение общинного схода посадских людей. На них состоятельная часть взрослого мужского населения посада выбирала должностных лиц, раскладывала тягло и подати, определяла посадских людей на казенные службы, обсуждала вопросы городского хозяйства и другие насущные дела. Выбравшийся на посадском сходе городской бургомистр (ранее, земский староста) непосредственно отвечал за нормальное течение дел внутри посада – сбор подушных и иных податей, поставку рекрутов, несение караульной службы в городе очередным посадским человеком, чистоту и порядок, своевременный созыв периодически проводимых сходов и тому подобное [5, с. 292–293].

На посадских общинных сходах также выбирались таможенный и кабацкий бурмистры, которых в 1727 г. в Козьмодемьянске было по одному человеку при таможене и кабацкой конторе. Бурмистр (ранее «таможенный голова» или «подьячий») козьмодемьянской таможи, как и в других городах, избирался из верхушки посада и вел контроль за текущей торговой деятельностью торгующих; определял ассортимент, привозную и продажную цену партии товаров, собирал де-

нежные пошлины, улаживал спорные вопросы, вел таможенные книги, следил за правильностью мер и весов и в особенности заботился о получении ежегодной прибыли для казны; привлекался и к другим магистратским поручениям [2, с. 216–239]. Кабацкий бурмистр (ранее «кабацкий голова» или «подьячий») обязан был совместно с «верными целовальниками» обеспечить бесперебойность и прибыльность казенных питейных заведений – «кружечных дворов» и «кабаков»; где торговали «хлебным «вином». Ему же вменялось контролировать поставки и выполнение условий винных подрядов поставщиками; вести борьбу с незаконным кормчеством и выявлять случаи тайной продажи вина для ее искоренения [2, с. 240–243].

Заметим, что в 1701 г. бурмистром козьмодемьянской таможи и кружечного двора был выборный посадский человек А. И. Батыгин, а бурмистром «юнгинского кабака» – В. Г. Замятнин, которые «с товарищи» в течение года собрали денежную казну «таможенных пошлин и питейной прибыли» на общую сумму 107 руб. 30 алтын 4 денги. В 1702 году во главе козьмодемьянской таможи и кружечного двора стал новый бурмистр М. Ф. Батыгин, а бурмистром «юнгинского кабака» – А. К. Вахромеев, собравшие в январе – апреле 30 рублей. По присланному указу все собранные деньги выборный юнгинский целовальник Г. А. Баженов по расписке обязан был отвести в город Уфу и отдать земским бурмистрам «на конскую покупку»³.

В известной мере козьмодемьянский магистрат и посадские люди обращались к конторе крепостных дел во главе с назначенным надсмотрщиком, подьячими и писцами, где совершались нотариальные действия, составлялись частно-правовые акты (купчие, духовные завещания и т. п.), закреплявшие право владения купленным (строения, земельные и промысловые угодья), наследством и другие сделки [7, с. 50–67].

Подводя итоги вышеизложенному, следует подчеркнуть, что Петровские реформы существенно отразились на повседневной жизни и положении козьмодемьянских посадских людей, что являлось характерным для многих социальных групп горожан и других податных сословий.

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3789. Л. 16, 125.

² Там же. Л. 1–5 об.

³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4633. Л. 154–155.

1. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. 216 с.
2. Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. Из научного наследия / сост. Н. В. Козлова, В. Н. Захаров, И. Е. Тришкан. М.; СПб., 2012. 316 с.
3. Иванов А. Г. Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начало XX вв.). Йошкар-Ола, 2013. 544 с.
4. Иванов А. Г. Козьмодемьянск в XVIII веке // Козьмодемьянск: сб. статей. Йошкар-Ола, 1986. С. 61–78.
5. Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. 368 с.
6. Иванов А. Г. Переписная книга бобылей города Козьмодемьянска 1717 года // Марийский археографический вестник. 2007. № 17. С. 134–141.
7. Иванов А. Г., Кузьмин Е. П. Нотариат Марий Эл: исторические очерки (Серия «Золотые страницы российского нотариата»). Йошкар-Ола, 2018. 304 с.
8. История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века / отв. ред. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2020. 543 с.
9. Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. 816 с.
10. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. 444 с.
11. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. 384 с.
12. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2008. 616 с.
13. Кочетков В. Д., Сироткин С. В. Азовские «переведенцы» 1702–1704 гг. // Марийский археографический вестник. 2021. № 31. С. 90–138.
14. Купчие акты горожан Козьмодемьянска XVII–XVIII веков / сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2007. 168 с.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

Об авторе

Иванов Ананий Герасимович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), anani@marsu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Golikova N. B. Ocherki po istorii gorodov Rossii kontsa XVII – nachala XVIII v. [Essays on the history of Russian cities in the late 17th – early 18th centuries]. M., 1982, 216 p. (In Russ.).
2. Golikova N. B. Privilegirovannoe kupechestvo v strukture russkogo obshchestva v XVI – pervoi chetverti XVIII v. Iz nauchnogo naslediya [Privileged merchants in the structure of Russian society in the 16th – first quarter of the 18th centuries. From the scientific heritage], comp. by N. V. Kozlova, V. N. Zakharov, I. E. Trishkan. M., SPb., 2012, 316 p. (In Russ.).
3. Ivanov A. G. Istochniki po istorii i kul'ture narodov Volgo-Vyatskogo regiona: XVIII – nachalo XX vv.: monografiya [Sources on the history and culture of the peoples of the Volga-Vyatka region: 18th – early 20th centuries: monograph]. Mari State University, Yoshkar-Ola, 2013, 544 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21003527> (accessed 10.01.2022). (In Russ.).
4. Ivanov A. G. Koz'modem'yansk v XVIII veke [Kozmodemyansk in the 18th century]. *Koz'modem'yansk: sbornik stat.* = Kozmodemyansk: collection of articles, Yoshkar-Ola, 1986, pp. 61–78. (In Russ.).
5. Ivanov A. G. Ocherki po istorii Mariiskogo kraja XVIII veka [Essays on the history of the Mari region of the XVIII century]. Yoshkar-Ola, Mari Book Publ. house, 1995, 368 p. (In Russ.).
6. Ivanov A. G. Perepisnaya kniga bobylei goroda Koz'modem'yanska 1717 goda [The census book of solitary landless peasants of the city of Kozmodemyansk in 1717]. *Mariiskii arkheograficheskii vestnik* = Mari Archaeographic Bulletin, 2007, no. 17, pp. 134–141. (In Russ.).
7. Ivanov A. G., Kuzmin E. P. Notariat Marii El: istoricheskie ocherki. Seriya “Zolotyie stranitsy rossiiskogo notariata” [Notary of Mari El: historical essays. Series “Golden Pages of the Russian Notary”]. Yoshkar-Ola, 2018, 304 p. (In Russ.).
8. Istoriya Marii El s drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 1: Istoriya Marii El s drevneishikh vremen do nachala XX veka [The history of Mari El from ancient times to the present day. Vol. 1: The history of Mari El from ancient times to the beginning of the XX century], resp. edit. A. G. Ivanov, Yoshkar-Ola, 2020, 543 p. (In Russ.).
9. Kizevetter A. A. Posadskaya obshchina v Rossii XVIII stoletiya [Township (posad) community in Russia of the 18th century]. M., 1903, 816 p. (In Russ.).

10. Kirilov I. K. Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva [The blooming state of the All-Russian State]. M., Science Publ., 1977, 444 p. (In Russ.).
11. Kozlova N. V. Rossiiskii absolyutizm i kupechestvo v XVIII veke (20-e – nachalo 60-kh godov) [Russian absolutism and merchant class in the 18th century (20s – early 60s)]. M., 1999, 384 p. (In Russ.).
12. Koz'modem'yansk v kontse XVI – nachale XX vekov: dokumenty i materialy po istorii goroda [Kozmodemyansk in the late XVI – early XX centuries: documents and materials on the history of the city], comp., preface and comment by A. G. Ivanov, Yoshkar-Ola, 2008, 616 p. (In Russ.).
13. Kochetkov V. D., Sirotkin S. V. Azovskie "perevedentsy" 1702–1704 gg. [Azov "transformers" of 1702–1704]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* = Mari Archaeographic Bulletin, 2021, no. 31, pp. 90–138. (In Russ.).
14. Kupchie akty gorozhan Koz'modem'yanska XVII–XVIII vekov [Bills of sale of the townspeople of Kozmodemyansk in the 17th–18th centuries], comp., preface and comment by A. G. Ivanov, Yoshkar-Ola, 2007. 168 p. (In Russ.).

The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

About the author

Anany G. Ivanov

Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), anani@marsu.ru

The author has read and approved the final manuscript